

[Научные статьи]

Лобанова Т. Н.

*Медиакратия vs демократия в КНР:
лингвомедийные технологии создания образов
и инструменты политического воздействия*

МЕДИАКРАТИЯ VS ДЕМОКРАТИЯ В КНР: ЛИНГВОМЕДИЙНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ И ИНСТРУМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Лобанова Т. Н.

кандидат педагогических наук, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков института лингвистики и межкультурной коммуникации, Московский государственный областной университет

lobanovaty@mail.ru

Аннотация:

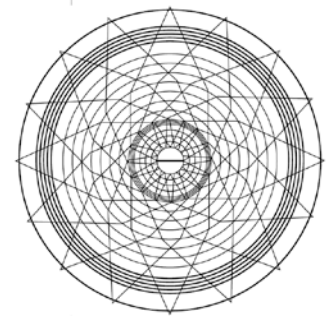
Современный мир стоит перед лицом глобальных изменений. Китай и его информационная политика играют все более важную роль в собственном обществе и современных международных отношениях. Повышение роли мягкой силы является основой для реализации китайской мечты. Новая стратегия построения китайского «могущественного культурного государства» удачно сочетает внутренние и внешние идеологические долгосрочные цели. Основными целями стратегии являются мобилизация и консолидация китайской нации на основе инновационных культурных ценностей и обеспечение социальной сплоченности и взаимодействия во внешнем мире при помощи мягкой силы. Научная новизна исследования обеспечивается инновационной междисциплинарной методологией, которая позволила проследить эволюцию социальных медиа и практик и выявить инновационную управленческую специфику в реализации китайских ценностей в медиапространстве. Достоверность обеспечивается за счет привлечения материалов на китайском языке и исследовательских данных в области изучения новых медиа Китая как инструмента внешней политики.

Действительно ли СМИ КНР способны управлять в Китае и за его пределами? Может ли СМИ рассматриваться как политическое оружие? Автор анализирует некоторые аспекты геостратегической коммуникации Китая в трансформации международной системы, а также перспективы и проблемы повышения роли и влияния Китая в мире и его возможные последствия. Автор исследует и изучает роль СМИ в периоды кризиса в качестве информационного ресурса и объединяющей силы. Кроме того, автор пытается выделить воздействующий технологический потенциал СМИ КНР на читателя. Аналитическая часть статьи связана с китайским политическим языком и демонстрирует возможности применения смешанной методологии к решению задач междисциплинарных исследований. Применение подобных методик позволяет определить траекторию

[Научные статьи]

Лобанова Т. Н.

*Медиакратия vs демократия в КНР:
лингвомедийные технологии создания образов
и инструменты политического воздействия*

идеологических изменений и управления, закодированных в китайских текстах СМИ.

Цель настоящей статьи — анализ дискурсивных стратегий и особенностей медиакратического воздействия при формировании образов в сферах внутренней и внешней политики КНР. Ведущий метод исследования — критический дискурс-анализ.

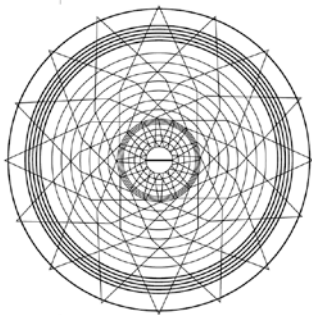
Keywords: медиакратия, мягкая сила, демократия, Китайская Народная Республика, политическая коммуникация

Проблема соотношения демократии и медиакратии становится все более актуальной в современном мире, особенно в связи с процессами переключения с западного ареала «демократизма» к зоне «Шелкового пути».

Проблематика взаимодействия и взаимовлияния средств массовой информации и политических институтов, организации массовой политической коммуникации и конструирования политического дискурса при изучении медиаполитической системы КНР является актуальной и перспективной для исследователей различных научных направлений. Китай и его место в системе международных отношений выступили предметом исследования значительного числа крупных ученых, однако объект этих исследований зачастую носит либо фундаментальный исторический, либо политологический характер без комплексного и системного подхода.

Российское научное сообщество в теоретико-методологических вопросах политического медиадискурса находится в состоянии дискуссии: лингвисты апеллируют к «языку политики» и делают ставку на него как инструмент анализа, ссылаясь на методологию социолингвиста-неомарксиста Н. Фэрклу или Р. Фаулера [Fairclough, 1989]. Политологи выделяют контент политических коммуникаций, подчеркивая, что коммуникации — это всего лишь один из множества инструментов воздействия, указывая при этом на «семантический анализ текстов и формируемые ими дискурсы социально-политических отношений» [Шевченко, 2015, с. 120]. Исследовательский интерес политологов находится в плоскости проблем встроенности СМИ в механизм взаимодействия общества и власти. В область задач входит описание основных особенностей китайского политического медиадискурса (далее — КПМ): каковы его основные параметры, по каким правилам он функционирует, каким образом он конструируется и самое главное — на что он направлен и зачем он китайцам понадобился. Основной тезис заключается в том, что политический медиадискурс является разновидностью манипуляционного дискурса, создание которого следует триаде «манипуляция — технология — симулякр».

Многие отечественные и зарубежные ученые говорят об ускоренном темпе трансформации китайской внешней политики. Китайские ученые утверждают,

[Научные статьи]

Лобанова Т. Н.

*Медиакратия vs демократия в КНР:
лингвомедийные технологии создания образов
и инструменты политического воздействия*

что к 2030 г. Китай займет 1-е место в мире по объему экономики, оставив позади США [Hu Angang, 2011]. Стороны — Китай, Россия и США — по-разному трактуют изначально общепризнанные понятия демократии и свободы.

Сегодня, во втором десятилетии XXI века, ни для кого уже не является секретом, что мы живем в эпоху бурных политических трансформаций, последствия которых поражают своими масштабами и отражаются на реальной конкретной жизни каждого из нас, и связаны они зачастую с «медиаатизацией» происходящих сегодня политических процессов. Еще около десяти лет назад любое событие, возникшее как результат социальной коммуникации и имеющее, таким образом, сугубо социальный характер. Оно не выходило за пределы социального взаимоотношения между участниками определенной социальной группы, и единственное воздействие, которому это событие подвергалось со стороны СМИ, — деловое информационное освещение. То есть единственная функция, которую выполняли во всей этой ситуации масс-медиа, — функция информативная. На этом процесс взаимодействия заканчивался.

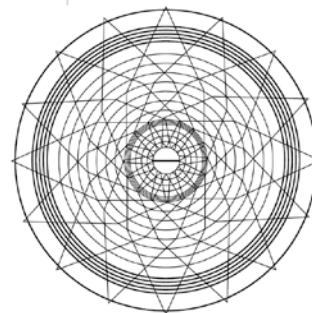
Происходит глобальная трансформация мирового геополитического порядка: налицо факт стремительной «медиаатизации» всего этого процесса. Логика современной геополитики со всей ясностью показывает нам как использование интернета, новейших медиатехнологий и социальных сетей способно поменять характер, скорость течения и даже само содержание того или иного процесса. Поэтому проблемы международных отношений все чаще связывают с информационными войнами и нарождающимися новыми медиа. Формирование мультимедийными средствами образов геополитических субъектов — конкретное тому подтверждение. Факторами политического успеха являются продуманность выбора языка общения с массовой аудиторией и управляемый диапазон лингвомедийных технологий. Факторами глобализации и «стирания границ» зачастую становятся так называемые информационные войны и «новые войны» — открытые и скрытые целенаправленные информационные воздействия систем друг на друга с целью получения определенного выигрыша в материальной сфере [Вирен, 2013, с. 6]. В нашем случае речь идет о медийной составляющей таких войн, в задачи которой входят навязывание обществу нужных мнений, создание образов и мифов, корректировка событий виртуальными моделями, дискредитация структур и политических лидеров.

СМИ, действующие в семантическом пространстве государства, зачастую прибегают к инструментарию «мягкой силы». В современном информационном обществе происходит быстрая деградация структур демократии. <...> СМИ превращают любую реальную проблему в модель и делают это не с целью познания, а с целью манипуляции сознанием. <...> Мощное средство СМИ — редукционизм, сведение объекта к максимально простой системе. Заказчик формулирует задачу («тему»), затем производится ее «проблематизация», а затем редукционизм — конструирование модели и создание комплекса простых штампов, лозунгов, афоризмов или изображений: тенденция к редукционизму должна рассматриваться как угроза миру и самой демократии. Она упрощает

[Научные статьи]

Лобанова Т. Н.

*Медиакратия vs демократия в КНР:
лингвомедийные технологии создания образов
и инструменты политического воздействия*

манипуляцию сознанием. Политические альтернативы формулируются на языке, заданном пропагандой» [Кара-Мурза, 2015]. Там, где присутствует манипуляционная составляющая в СМИ, речь идет не о демократии, а о новой форме организации общества и власти – медиакратии.

Первоначальное понимание данного термина дал немецкий ученый Т. Мейер, который утверждал, что средства массовой информации, обладая всеми механизмами манипулирования общественным мнением, становятся всемогущими, превращаясь в четвертую власть. С точки зрения Т. Мейера, все процессы, происходящие в рамках политической системы, подчинены интересам СМИ. Позже данная трактовка подверглась критике со стороны ряда исследователей, которые попытались доказать, что медиа являются лишь орудием в руках власть имущих, а потому реализуют не свою волю, а директивы сверху. По Мейеру, медиакратия в сравнении с «четвертой властью» (медиадемократией) означает гораздо больше, чем дидактическую отмену части слова демос (народ), а вместе с тем лишение возможности для самоопределения (суверенитета) гражданина. Гражданин становится пассивным зрителем политических дебатов в средствах массовой информации без возможности активного вмешательства, например, как при просмотре ток-шоу. Это решают вместо зрителя СМИ путем артикуляции и собственного отбора [Meyer, 2002].

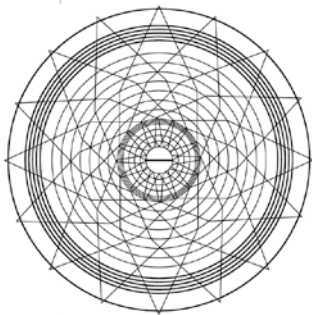
Термин медиакратия дословно переводится как власть СМИ. Данный термин конкретизирует понимание информационного общества и раскрывает одну лишь его составляющую — роль медиа в современном мире.

Современное состояние социогуманитарного знания по проблемам медиатизации властных процессов позволяет вычлнить ряд факторов, определяющих степень интеграции государства в глобальное информационное пространство и обуславливающих функционирование медиакратии с их последующей экстраполяцией на медиасферу КНР.

1-й фактор. Наличие национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры и степень распространенности компьютерной и медиаграмотности. КНР — государство со специфической азиатской информационной моделью. Проект 金盾工程 (Великий Китайский Файрвол) — информационная ограда, отрезавшая китайских потребителей интернет-контента от информации, вырабатываемой на многих западных ресурсах.

2-й фактор. Наличие единой концепции государственной информационной политики и национального информационного законодательства. Начиная с 2000-х гг. Китай в экстренном порядке сформировал единую и вместе с тем четко структурированную информационную политику со своей коммуникационной стратегией. Это позволило Китаю активно и целенаправленно проводить дифференцированную политику в международных отношениях.

3-й фактор. Роль интернета и социальных сетей в международной коммуникации. Информационная революция в КНР набрала беспрецедентные

[Научные статьи]

Лобанова Т. Н.

*Медиакратия vs демократия в КНР:
лингвомедийные технологии создания образов
и инструменты политического воздействия*

обороты. Все ключевые аудитории получают информацию из интернета и социальных сетей. Вопрос лежит в плоскости количественных показателей.

Таблица 1. 国和美国主要信息化指标及占世界总量比例(2009-2030) [Hu Angang, 2011, p. 101] [Основные показатели информатизации в КНР и США и занимаемое место в мире по количеству пропорционально]

	2009	2020	2030
移动电话用户数占世界总量的比例(%) [Число пользователей мобильных телефонов и занимаемое место в мире в %]			
中国[Китай]	16.0	20.0	25.0
美国[США]	6.1	5.0	4.0
美国/中国[США/Китай]	0.4	0.3	0.2
互联网用户数占世界总量的比例(%) [Число пользователей Интернета и занимаемое место в мире в %]			
中国[Китай]	22.9	30.0	35.0
美国[США]	16.8	12.0	9.0
美国/中国[США/Китай]	0.7	0.4	0.3

4-й фактор. Политическая культура. Инструменты мягкой силы, пропаганда: воздействие на знаково-символическом и идейно-ценностном уровнях. В медианауке не прослежена причинно-следственная или иная связь между типом политической культуры и развитием медиасистем [Бодрунова, 2015]. Еще маоистский Китай (как и сталинский СССР) был апофеозом медиакратии, когда вся пресса и все TV подчинялись жесткому управлению из Пекина (Кремля) и создавали такой информационный симулякр, которому могли позавидовать современные вожди.

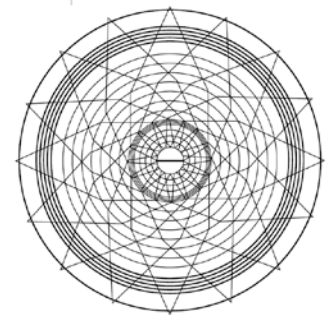
Российский исследователь В.А. Абрамов подчеркивает, что современная китайская ценностная система внешнеполитических отношений, в известной мере копируя иерархическую систему межгосударственных взаимодействий прошлого, трансформируется в период «реформ и открытости», обеспечивая Китаю выполнение его новой «миссии» или «новой роли» в построении китайского социокультурного порядка «**和谐世界**» — «гармоничного мира». Так, теория «гармоничного мира» стала упорядоченной теорией и международных отношений, наполняя новым содержанием и политическую культуру» [Абрамов, 2011, с. 154].

Одним из первых китайских лидеров современности, обратившимся к идее возрождения конфуцианской доктрины, был Ху Цзиньтао. Находясь в поиске

[Научные статьи]

Лобанова Т. Н.

*Медиакратия vs демократия в КНР:
лингвомедийные технологии создания образов
и инструменты политического воздействия*

идеологии, способной объединить такое сложное общество, как китайское, и одновременно подчеркивающей национальную и культурную идентичность, Ху выводит формулу: “和谐社会” – гармоничное общество, которая тиражируется СМИ и приобретает статус китайской идеологемы-концепции во внутренней и внешней политике КНР. Ху Цзиньтао в своих выступлениях творчески развивает конфуцианскую идеологию КНР, привязывая эту концепцию к ресурсам мягкой силы, так как ценностный потенциал китайского государства все больше ассоциируют с ресурсным потенциалом мягкой силы. Ценностные ресурсы мягкой силы и их установка на «дружественность» затрагивают самую сложную сферу политических отношений и связей Китая с соседними государствами. Ценностная установка на дружественность, «мирное развитие» и «соразвитие» затрагивает отношения в сфере безопасности [Абрамов, 2011, с. 177].

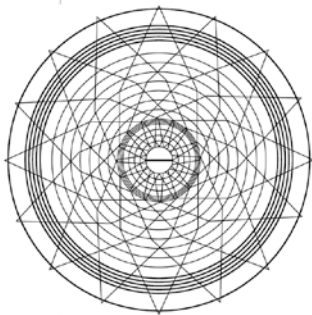
Ресурсный компонент мягкой силы способствует реализации стратегии построения «гармоничного мира» и формированию позитивного имиджа Китая. Общественно-политическая, социокультурная, финансово-экономическая привлекательность основ китайского государства – это управляемый процесс [Абрамов, 2011, с. 179]. Распространение мягкой силы предполагает продвижение китайской культуры как своего рода лингвомаркетинг или политический брендинг через Институты и Классы Конфуция, а также политических ценностей и привлекательности внешней политики.

Дискуссионность вопроса в следующем: уместность апелляции к мягкой силе при описании международных отношений; в публицистическом дискурсе имеют место процессы затаскивания мягкой силы в компанию коммуникативных технологий и связывают наевскую мягкую силу больше с идеями странового брендинга [Паршин, 2015, с. 19-27].

Мощная электронная медиасистема способна создавать глобальную виртуализацию информационного пространства. В результате предлагаемые этой медиасистемой «информационные образы объектов», персон и процессов теряют какую-либо связь с реальными объектами. Это привело к бурному развитию технологий информационно-пропагандистского и психологического воздействия, становлению институтов «мягкой силы», публичной дипломатии и пиара, развитию приемов информационных войн.

Все отмеченные термины в своем арсенале содержат инструменты и технологии информационно-психологического управления общественным мнением, воздействуют на массовое сознание граждан. Общее у них следующее: 1) они вносят свой вклад в формирование виртуальной картины мира; 2) находятся в центре дискурса о невоенной мощи государства; 3) отвечают за процессы, в соответствии с которыми происходит вытеснение традиционных форм международных связей в символические сферы их реализации (виртуализация). Различает их инструментарий.

Современный Китай по 13 параметрам номенклатуры индексов мягкой силы в исследованиях оказался на 20-м месте с индексом 3,74 [Русакова, 2015, с. 52].

[Научные статьи]

Лобанова Т. Н.

*Медиакратия vs демократия в КНР:
лингвомедийные технологии создания образов
и инструменты политического воздействия*

Действительно, с учетом национальной специфики «наступление мягкой силой» может иметь ограниченный успех. В силу ряда причин в Китае не учли, что определение «мягкая сила» подразумевает наличие ценностей, открытости и высокого уровня благосостояния, а также привлекательного примера, за которым все хотят следовать. В условиях правления китайского диктаторского коммунистического режима, дающего экономический рост, присутствуют и сопутствующие явления: закрытие откровенных СМИ, жесткий цензорат, расправа с оппозицией, ограничение доступа к так называемым вредным сайтам или информации.

Манипуляционность СМИ работает на двух уровнях в рамках данного фактора.

1) на уровне идеологической пропаганды, определяющей информационно-содержательную доминанту информационных потоков и медиаповестку (уровень государства). Данный уровень связан с устойчивостью традиций политической культуры государства.

С.С. Бодрунова подчеркивает, что аудитория в медиаполитических исследованиях подразумевается как цель, но почти не исследуется на предмет вариативности. Единственный релевантный аспект — политическая культура [Бодрунова, 2015].

2) на языковом уровне (языковое манипулирование + средства визуализации). Языковой уровень тесно связан с идеологическим. Ядром любой информационной войны является язык, а языковая политика — «сильнейшая технология влияния на целые народы» [Костюк, 2009, с. 94]. Один из дискуссионных вопросов, как у российских, так и у китайских ученых, — это существование политического языка. Анализ политического языка и идеологического дискурса медиасреды современной КНР позволяет выделить особенности языкового преломления траектории развития политических процессов и декларируемых ценностей.

Эти два уровня, взаимодополняя и/или усиливая друг друга, обрастают в медиасфере национальными культурными специфическими инструментами (например, иероглифический характер письменной речи, прецедентные феномены, инфографика как новый способ представления действительности, повышенная метафоризация и т.д.) (Подробнее См. *Таблицу 2*).

5-й фактор. Технологичность СМИ и инфраструктура коммуникационных связей. Пример дискурс-борьбы Пекина — неконфронтационная методика информационно-пропагандистской работы с зарубежной аудиторией (например, Международное радио Китая)

[Научные статьи]

Лобанова Т. Н.

Медиакратия vs демократия в КНР:
лингвомедийные технологии создания образов
и инструменты политического воздействия

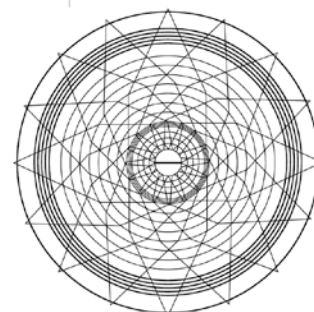
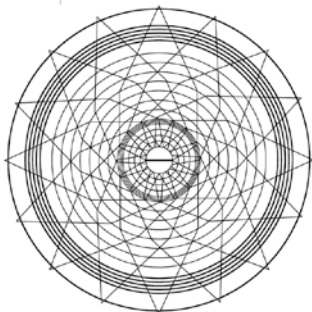

Таблица 2. Список идеологем в СМИ КНР (2012-2016 гг.), отражающих основные идеологические установки и политические процессы в Китае

Идеологемы в КНР	Перевод
共同富裕 (“共同富裕社会”、“共同富裕和大同世界”)	Общее процветание (<i>производные:</i> общество всеобщего процветания и т.д.)
中国梦	Китайская мечта
“一带一路”	«Один пояс – один путь»
丝绸之路经济带	Экономический пояс шелкового пути
州际丝绸之路	Трансконтинентальный шелковый путь
对接	Стыковка
海上丝绸之路	Морской шелковый путь
从小康走向富裕	От среднезажиточности к обеспеченности
中国之路	Китайский путь
绿色中国	«Зеленый Китай»
大趋异时代	Век с неравномерной тенденцией
由“世界工厂”转向“世界市场”	от Китая — мирового производителя — к рыночному Китаю
由“中国出口”转向“中国购买”	От Китая-экспортера к Китаю-потребителю
高铁外交	Дипломатия высокоскоростных ж/д
智能电网	Интеллектуальные электросистемы
专利申请量第一大国	Держава «номер один» по количеству патентов
“蛙跳技术路线”	В вопросе технологий встать на путь «прыжка лягушки»
巡组	Инспекционная группа
暖男	«Теплый» мужчина
反腐败	Борьба с коррупцией
“占中”	Движение Occupy Central
中国特色外交	Внешнесполитическая дипломатия КНР с «китайской спецификой»
中国特色周边外交新理论	Новая идеология внешнеполитической дипломатии с соседними государствами с «китайской спецификой»
雨伞革命	Революция зонтиков
中国特色大国外交	Внешнесполитическая дипломатия великой державы КНР
老虎，大老虎	«Тигры» — чиновники, члены правительства, обладающими большими полномочиями и властью
打老虎	Борьба с коррумпированными чиновниками
绿色现代化	«Зеленая» модернизация
信息化强国	Великая информационная держава
唱红打黑	«Петь красные песни и бороться с оргпреступностью»

[Научные статьи]

Лобанова Т. Н.

*Медиакратия vs демократия в КНР:
лингвомедийные технологии создания образов
и инструменты политического воздействия*

Традиционные СМИ в Китае, как правило, регулируются властями, поддерживают официальную идеологию и реализуют поставленные правительством задачи, новые медиа для Китая — не просто коммуникационные каналы. С каждым годом власть в сфере медиа все больше переходит к интерактивным средствам массовой информации, что само по себе означает интеграцию населения республики в мировое сообщество. Новые медиа опережают традиционные СМИ по таким критериям, как воздействие на аудиторию, интерактивность, интертекстуальность, языковое манипулирование, технологии дискредитации и создание образов и мифов.

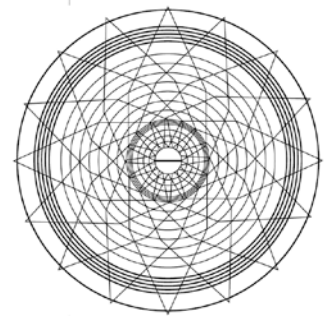
Рисунок 2. Инфографика «Как устроен китайский интернет»

В Китае новые медиа называют «пятым СМИ». Многие иностранные ресурсы — такие, как Facebook, Twitter, YouTube, частично Википедия — заблокированы в КНР, поэтому местные жители пользуются китайскими аналогами, зачастую не зная о существовании оригиналов. Китайскими аналогами «прозападных» новых медиа выступают крупнейшие медиаплатформы страны: самая популярная блог-платформа 新浪博客 [Синьлан Бокэ], ресурсы микроблогинга 新浪微博 [Синьлан Вэйбо], 网易微博 [Ван-и Вэйбо], 腾讯微博 [Тэнсюнь Вэйбо], социальные сети QQ 空间 [QQ Кун Цзянь], 人人网 [Жэнь-жэнь Ван], форумы 天涯 [Тянь-я], 豆瓣 [Доубань],

[Научные статьи]

Лобанова Т. Н.

*Медиакратия vs демократия в КНР:
лингвомедийные технологии создания образов
и инструменты политического воздействия*

электронные версии популярных газет 人民网 [Жэньмин Ван], 环球网 [Хуаньцю Ван] и др.

Означает ли сказанное, что в КНР так проходят процессы демократизации и «гражданская журналистика» новых медиа КНР определяет общественные процессы?

Становится актуальным изучение новых социолингвистических процессов в интернете. Уходит в прошлое скепсис относительно того, что интернет — это «нечто вроде громадной свалки языковых отходов».

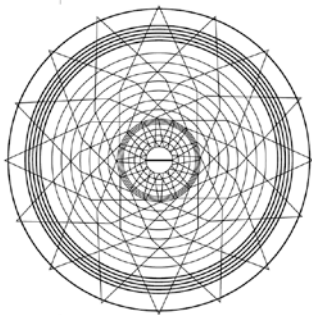
Методологический инструментарий, качественно и количественно отслеживающий эффективность медиакратического управления процессами формирования внешней и внутренней политикой КНР, позволяет доказать связь языкового уровня с идеологическим. Вычлененная проблематика выборки публикаций (проблемы так называемого 地缘冲突带 — «Пояса геополитического конфликта») по тем или иным параметрам затрагивает китайско-американские интересы и отражает противоречия [Xie Jiannan, 2014, p. 115-143]: 1. 钓鱼岛冲突与南海冲突. Конфликт с Японией и конфликты в Южно-Китайском море; 2. 对台湾军售. Поставка оружия Тайваню; 3. 叙利亚危机与“伊斯兰国”. Сирийский кризис и ИГИЛ; 4. 美国“重返亚太”. Возвращение США в АТР; 5. 朝鲜非核化. Разоружение Кореи.

Рассмотрим функционирование китайского политического медиадискурса на примере реализации стратегии дискредитации. Исследовательская парадигма обуславливает терминологическое разграничение понятия дискредитация. Дискредитацию можно рассматривать и как прием в информационной войне, и как дискурсивную стратегию, и как прием речевого воздействия (текст и его визуальная составляющая). В любом случае манипуляция при дискредитации выступает инвариантом. Критический дискурс-анализ на предмет выявления стратегий дискредитаций — инструмент для прикладного внешнеполитического анализа. В целом успех речевого воздействия обеспечивается набором тактик, а эффективное применение тактик зависит от выбора их языкового (речевого) воплощения.

При анализе языкового материала исходим из того, что стратегия представляет собой планирование в самом обобщенном виде. В политической коммуникации выбор стратегии зависит от цели субъекта коммуникации. Важным фактом является контекстуальная ситуация.

Анализ текста СМИ дискредитирующего типа предполагает извлечение из него системы языковых единиц, с одной стороны, содержащих утверждение об этих фактах, а с другой, — оценивающих эти факты, то есть представляющих собой высказывания комментирующего типа автора или журналиста с ярко выраженной негативной оценочностью.

Исследователи подчеркивают, что «специфика собственно языковых механизмов дискредитации обусловлена двумя составляющими: с одной

[Научные статьи]

Лобанова Т. Н.

*Медиакратия vs демократия в КНР:
лингвомедийные технологии создания образов
и инструменты политического воздействия*

стороны, особенностями протекания коммуникативного речевого акта в медиасфере, а с другой, – структурно-логической и языковой организацией медиатекста, вытекающей из его стилеобразующих признаков» [Чернышова, 2014, с. 293]. На макроуровне дискредитирующими выступают стратегии и технологии формирования медиаконтента и управление медиатопиками (выбор медиатопика).

В связи с этим выборка материалов медиатекстов за 2013–2016 гг. позволила объединить группы медиатекстов в соответствии с заданной тематикой и проанализировать, как разворачивается стратегия дискредитации в зависимости от ее объекта.

Обратимся к примерам анализа.

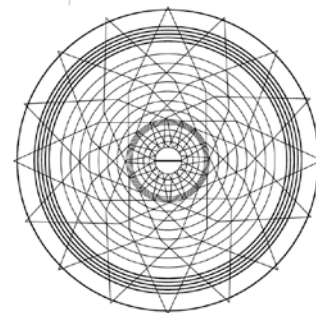
Е.g. “比利时监狱系统正在日益成为极端思想和恐怖主义的“温床”；法国、比利时等国最近多起恐怖袭击的参与者均曾因小罪入狱，很可能是在狱中接受了极端思想“洗脑”。按照比利时官员的设想，“把极端分子与其他囚犯完全隔离开，以避免发生‘污染’”。 [В настоящее время тюрьмы Бельгии превратились в рассадники терроризма; возможно, террористы, устроившие взрывы в Бельгии и Франции, заразились этими идеями именно во время пребывания в тюрьме. В связи с этим правительство Бельгии предпринимает следующие меры: держать террористов в отдельных камерах, чтобы не допустить заражения других заключенных]. В примере автор описывает последствия террористических актов, совершенных группировкой ИГИЛ во Франции и Бельгии в 2016 г., а также передает настроения, витающие в мировом сообществе. В статье использованы метафоры **恐怖主义的“温床”**, **“洗脑”**, **以避免发生‘污染’**, передающие негативное отношение автора к терроризму: он сравнивается с вирусом, которым заражается все большее количество людей.

Е.g. “叙利亚陆军方面强调，重夺帕尔米拉显示政府军及他们的盟友，是唯一可以打击及铲除恐怖主义的力量。叙利亚文化部长哈利勒赞扬重夺帕尔米拉是“人类的胜利，打击了所有黑暗罪行”。 [Глава сирийской сухопутной армии подчеркивает, что возвращение Пальмиры под контроль правительства Сирии — это важный шаг на пути к выкорчевыванию терроризма. Министр культуры Сирии Исам Халиль также дал высокую оценку действиям сирийской армии по возвращению Пальмиры: «Это победа всего человечества, благодаря которой мы подавили мрак на территории Сирии»]. В данной статье описывается возвращение Пальмиры под контроль правительства Сирии, которая ранее была завоевана группировкой ИГИЛ. Благодаря употребленным метафорам и цитированиям из выступлений представителей сирийского правительства, мы можем понять, что автор статьи также поддерживает данные военные действия армии. Например, метафору «подавить мрак на территории Сирии» мы понимаем как полную расправу над группировкой ИГИЛ.

[Научные статьи]

Лобанова Т. Н.

*Медиакратия vs демократия в КНР:
лингвомедийные технологии создания образов
и инструменты политического воздействия*

Анализируя языковой материал за 2015–2016 гг. можно констатировать, что не утихает и антияпонская риторика, несмотря на окончание празднования 70-летия победы освобождения от японского милитаризма.

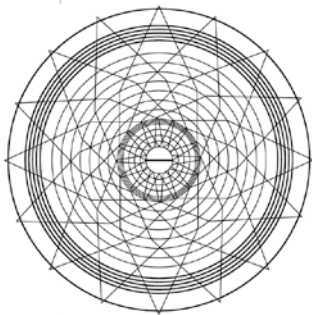
Е.g. “当地时间 2016 年 1 月 29 日，菲律宾帕塞市，菲律宾二战遭日本强征“慰安妇”聚集在日本驻菲使馆外集会抗议，要求日方道歉赔偿”。 В статье актуализируется проблематика филиппинских женщин, принужденных работать в военных борделях («станциях утешения») в годы Второй мировой войны.

Кроме того, актуализируется проблематика разоружения Кореи, на территории которой столкнулись интересы США и КНР.

Е.g. “美称朝鲜当前的“核武游戏”有好处，美国现在实行‘战略忍耐’，忍耐的前提就是对美国没有威胁。不过，独联体国家反恐中心主任安德烈·诺维科夫认为朝鲜半岛局势有进入“恶性循环”：“美国与韩国虽然每年都举行联合军演，但今年的演习在规模上‘有点过分了’。 [США считают, что «игры с ядерным оружием» в Корее обязательно принесут им пользу в будущем. США выбрали тактику сдержанной терпеливости как не угрожающую собственным интересам. Однако глава Антитеррористического центра СНГ Андрей Новиков считает, что корейский полуостров попал в «порочный круг»: «США и Южная Корея ежегодно проводят совместные военные учения, но масштабы этого года — это уже «чересчур»]. Описываются недавние совместные военные учения США и Южной Кореи по отработке нанесения ядерных ударов по объектам КНДР. Автор часто использует прием закавычивание с тем, чтобы показать свое неодобрение к происходящему. В статье встречаются такие приемы, как метафора (“核武游戏”), литота (“有点过分了”) и другие.

Е.g. “朝鲜半岛生战生乱不符合任何一方利益”。 [Действия Южной Кореи порождают войну и сумбур, что не принесет пользы никому]. В статье автор подчеркивает, что КНР негативно относится к апробации ядерного оружия в Южной Кореи и настаивает на разоружении данной страны. Заголовочное выражение “生战生乱” моментально привлекает внимание читателя и создает негативное впечатление о Южной Кореи.

Е.g. “军演规模空前，时间点又极度敏感，这势必会刺激朝方的神经，不可避免地给半岛和东北亚地区的和平稳定带来不利影响。中国与全球化智库研究员储殷表示，军演导致朝鲜半岛局势再度剑拔弩张，是所有希望半岛和平的人不愿看到的”。 [Размах военных учений в Южной Кореи огромный. Кроме того, в настоящее время ситуация в мире нестабильная, и это может пощекотать нервы корейцев, неизбежно дестабилизируя ситуацию на острове и в Северо-Восточной Азии]. В данной статье также описывается реакция других стран на ядерные испытания и

[Научные статьи]

Лобанова Т. Н.

*Медиакратия vs демократия в КНР:
лингвомедийные технологии создания образов
и инструменты политического воздействия*

проведение военных учений в Южной Корее. Автор использует эпитеты (“军演规模空前”), олицетворение (“时间点又极度敏感”), метафору (“度剑拔弩张”) и т.д.

В китайской медиасфере присутствуют ироничные статьи и комментарии в адрес США по вопросу возвращения США в АТР.

Е.g. “英媒：美国重返亚太战略“正在沉没”. [Стратегия возвращения США в АТР в настоящий момент тянет страну ко дну]. В статье описываются размышления западных СМИ на тему возвращения США в АТР и того, к каким результатам это может привести. “美国重返亚太首先将会联手哪个国家？又会剑指哪个国家” [США, возвращаясь в АТР, с какой из стран смогут начать сотрудничество или нацелены на какую страну?], из которой видно, что и сам автор статьи старается понять истинные мотивы США.

Е.g. “人民日报：美国的重返亚太“乱象痴迷征”. [Причина возвращения США в АТР — «синдром заблудившегося слона»]. С целью привлечения внимания читателей, автор поместил в название такой стилистический прием, как сравнение: причиной возвращения США в АТР является «синдром заблудившегося слона». Автор сравнивает США со слоном — шахматной фигурой: каждой шахматной фигурой можно ходить одним определенным способом (по диагонали, через клетку и т.д.). Таким образом, автор ставит под сомнение правильность новой стратегии США.

Кроме медиатекстов, представленных электронными версиями периодических изданий, проанализированы некоторые выпуски аналитических передач центральных китайских телеканалов, посвященных политической и военной тематике. Отличительной особенностью медиатекстов данного жанра является наличие невербальной части, которая в совокупности с вербальными знаками обеспечивает эффективное воздействие на массовую аудиторию (видеоряд, звуковое сопровождение и т. д.).

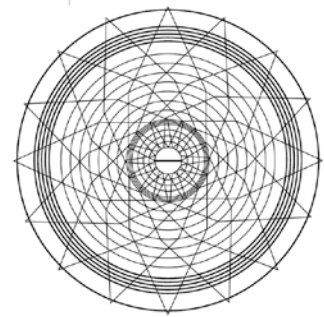
Рассмотрим один из выпусков аналитической передачи CCTV 《国际静观察》 от 2 февраля 2013 года, посвященной стратегическим отношениям США и Японии в области военного сотрудничества. В гостях у ведущей телепередачи известные эксперты в области военного дела профессор Чжан Чжаочжун (张召忠), военный генерал, представляющий Национальный университет обороны Китая и профессор Лили (李莉). Уже в первой фразе за кадром обнаруживаются примеры дискредитации Японии:

Е.g. “安倍刚刚上台不久就迫不及待派出外务大臣赴美国买先进的预警机和闪电战斗机” [После прихода к власти Абэ незамедлительно отправил министра иностранных дел в США с целью закупить современные самолеты АВАКС и самолеты-истребители]. Фразеологизм 迫不及待 — поспешно, в срочном порядке, без отлагательств — сам по себе носит нейтральный характер, но в сочетании с

[Научные статьи]

Лобанова Т. Н.

*Медиакратия vs демократия в КНР:
лингвомедийные технологии создания образов
и инструменты политического воздействия*

наречием обстоятельства времени 刚刚 он обретает иронический оттенок. Далее идет использование повторов и риторических вопросов:

Е.g. “他究竟这样做是要确保怎样的军事优势，它这样做又剑指何方呢？” [Это сделано для того, чтобы гарантировать свое военное преимущество или для того, чтобы показать лояльность какой-то стороне?]. Здесь риторические вопросы подводят читателя к выводу о том, что такие действия Японии направлены против Китая с целью показать свои возможности в случае военных действий.

Е.g. Далее в репортаже упоминается о закупленных у США боевых F-35 и АВАКСах, которые автор иронично называет “一分新年礼物” — новогодний подарок, реализуя тем самым тактику оскорбления, направленную против США. Желание Японии закупать истребители у США вызывает тревогу у самих японцев:

Е.g. “因此人们有理由怀疑日本是不是要硬着头皮当冤大头”。 [Есть некоторые сомнения по поводу того, что Япония так или иначе попала на удочку].

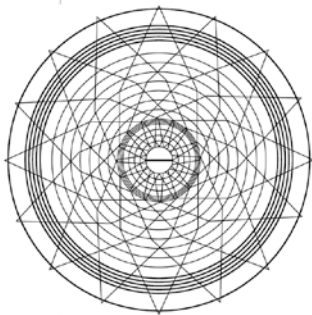
И далее в доказательство этому следует языковая игра: “有人说日本纯属大头，是不是冤大头？” [Вроде бы Япония — крупная держава, однако так попала на удочку].

В приведенных выше примерах используются разговорные выражения 大头 — крупная держава и 冤大头 — попасться на удочку, простофиля. В данном примере путем навешивания ярлыков реализуется тактика оскорбления.

Е.g. “日本要拉美国“与虎谋皮”甘当美国的提款机”。 [Японии нужно «совещаться с тигром о том, как получить его шкуру» и согласиться стать «американским банкоматом»]. Речь автора насыщена образными метафорами; в высказывании употребляется фразеологизм, предлагающий определение политики США в отношении Японии — совещаться с тигром о том, как получить его шкуру (об участниках дела, преследующих противоположные интересы). Очевидно умаление авторитета Японии, которая жертвует собственными интересами в угоду США.

Анализ примеров выше демонстрирует возможности критического дискурса-анализа применительно к материалам китайской медиасферы политической направленности.

Исследование выборки медиатекстов за период 2013–2016 гг. показывает, что в китайском политическом медиадискурсе первое место занял медиатопик американо-китайских отношений, где наиболее частотными тактиками являются тактика обвинения, оскорбления, издевки и умаления авторитета. Это обусловлено концепцией внешнеполитического курса с элементами новой идеологии КНР, один из пунктов которой — «Переход к активной роли КНР в мировой политике», что, в свою очередь, приводит к обострению противоречий в двойке КНР – США.

[Научные статьи]

Лобанова Т. Н.

*Медиакратия vs демократия в КНР:
лингвомедийные технологии создания образов
и инструменты политического воздействия*

Наиболее частотными средствами дискредитации на языково-стилистическом уровне выступили: употребление метафор концептосферы «Война» и «Болезнь», лексических единиц с отрицательными коннотациями, маркеров личного мнения, риторических вопросов, сочетание книжной и разговорной лексики, употребление эмфатических конструкций, неологизмов, закавычивание отдельных выражений. Стратегия дискредитации реализуется также на уровне визуальной семантики, так как изображения наравне с линейным текстом участвуют в создании общего контента и реализации задач политического медиадискурса. Невербальными ресурсами для реализации манипуляции являются креолизованный текст и параграфемные средства (шрифтовые выделения — курсивное, полужирное, капитель; цветовые выделения — растровая графика, фоновые подложки; подчеркивающие и отчеркивающие линейки; специфика верстки). Излюбленные китайскими авторами и используемые СМИ шаржирование и карикатура лежат в основе реализации тактик «бездоказательное умаление авторитета», «оскорбление», «превращение нейтральных контекстов в дискредитирующие».

Подытоживая наш анализ, можно утверждать следующее. Китайцы отчетливо понимают, что интернет-революция будет менять сложившиеся за века базовые культурные ценности и нормативные правила всех современных человеческих обществ; что именно с помощью главенства в осуществлении процесса развертывания информационного потока лежит ключ к изменению мировоззренческих установок и способа мышления миллионов людей по всему миру. Все то, что подразумевается под понятием китайская специфика экстраполируется на информационные технологии. Каждый участник представляет свой образ врага в своей медиареальности.

Национально-культурная специфика в медиаполитическом дискурсе современной КНР проявляется в превалировании семантики самостоятельной внешней политики Китая.

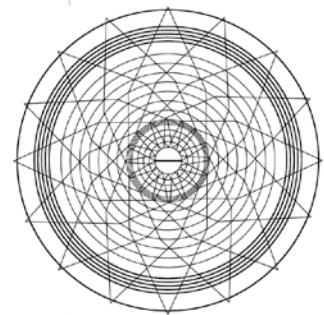
В КНР речь идет о полноценном создании своей собственной национальной дискурс-школы, первым этапом которой является мягкое насаждение своей идеологии, ценностей и, соответственно, имиджа. Стратегическая коммуникация Китая способствует формированию виртуальной медиакартины мира (дискурсивные стратегии в медийном пространстве, вбирающие в себя средства визуализации и невербальную метафору). В настоящее время как никогда перспективно наблюдение за медийными образами внешнеполитических субъектов с позиции китайского политического медиадискурса в динамической синхронии за счет многократных выходов на один и тот же ресурс с фиксацией изменений содержания, уровня метафоризации, частоты встречаемости ряда лингвистических явлений, статистики скачиваний с целью внешнеполитического анализа и прогнозов.

Посредством анализа фактологического материала можно выделить шесть основополагающих особенностей политического медиадискурса КНР: 1) линия на антагонизм с США и Японией; 2) иероглифический характер письма и

[Научные статьи]

Лобанова Т. Н.

*Медиакратия vs демократия в КНР:
лингвомедийные технологии создания образов
и инструменты политического воздействия*

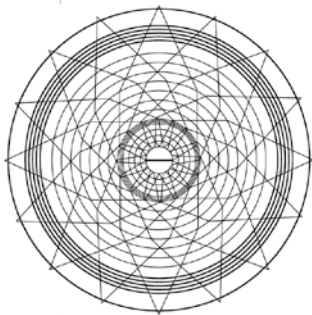

конструируемые с его помощью политические метафоры, вызванные образностью китайского мышления. Высокий уровень метафоричности; 3) технологичность и появление новых СМИ и медиа, рост их влияния и колоссальное количество потребителей генерируемой ими информации; 4) высокий уровень графичности производимой информации, присутствие невербальной метафоры и иллюстративного материала; 5) китаецентричность медиадискурса и его специфика. Абстрактное проецирование происходящих в мире событий на систему китайских политических реалий; 6) двусмысленность, некатегоричность и сухость политического медиадискурса, вызванные нежеланием китайских СМИ видеть в потребителе информации активного участника коммуникации; 7) согласованность внедряемых нарративов с национальной идеологической линией. Высокий уровень воспроизводимости идеологем. Вышеперечисленные особенности китайского политического медиадискурса определяют характер реализации стратегии дискредитации на языковом уровне и на уровне организации текста.

Медиакратический политический режим КНР в своем выживании одновременно серьезно зависит от медийного элемента и способен интегрировать массовую коммуникацию в качестве стратегического элемента в политическую борьбу, процесс подготовки программ развития (policing) и распределение властных полномочий. Это не означает, что в КНР перестал существовать цензорат и что руководство КНР совсем не использует ограничения на свободу слова. Это свидетельство того, что китайская пропагандистская машина вызрела и характеризуется квалифицированностью и достаточной технической оснащенностью. И этот информационно-пропагандистский аппарат выдерживает конкуренцию с иностранной пропагандой по многим избранным направлениям информационного противоборства.

Кроме того, медиатизация коммуникаций — это вынужденная процессами глобализации мера: бурный рост экономики Китая при нехватке естественных богатств толкает Китай к источникам сырья и рынкам сбыта вне страны, и помехой на этом пути стоят США, что и актуализирует тематику практически всех политических медийных текстов по проблематике внешних угроз.

В китайской тактической культуре существует такая стратагема: сманить тигра с горы на равнину, тот есть никогда не атаковать противника, преимущество которого в его позиции. Вместо этого выманить его с выигрышной позиции, тем самым отделяя его от источника силы. Именно этим и занимаются китайские дискуртологи и специалисты по медиа [Peng Lan, 2012]. Конструирование не изолированной, но обособленной дискурс-ниши является на сегодняшний день великой дискурс-миссией китайского общества, на достижение которой направлены все информационные послылы, которые идентифицированы в качестве основных особенностей китайского политического медиадискурса. Успешно развивающийся в гуманитарно-социальных областях критический дискурс-анализ предлагает инструментарий, позволяющий лингвисту-эксперту аргументировать выводы по внешнеполитической ситуации, не требуя

[Научные статьи]

Лобанова Т. Н.

*Медиакратия vs демократия в КНР:
лингвомедийные технологии создания образов
и инструменты политического воздействия*

консультации политолога. Однако в ряде случаев необходимо, чтобы лингвист-практик или эксперт жил в обществе, дискурс которого он исследует.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абрамов В.А., Абрамова Н.А. (2014). Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития: монография. М.: Восточная книга.

Бодрунова С.С. (2015). *Медиакратия: СМИ и власть в современных демократических обществах: Дисс. ... докт. полит. наук*, Санкт-Петербург. Том 1.

Вирен Г. *Современные медиа: приемы информационных войн*. М.: Аспект Пресс, 2013.

Дейк ван Т. (2013). *Дискурс и власть*. М.: URSS.

Информационное общество и международные отношения / Р.В. Болгов, Н. А. Васильева, С.М. Виноградова, К.А. Панцерев (2014). С.-Петербург. гос. ун-т. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Кара-Мурза С. «Медиакратия», «теледемократия» и пр.: типичные ошибки в представлениях о СМИ. URL: <http://centero.ru/digest/mediakratiya-teledemokratiya-i-pr-tipichnye-oshibki-v-predstavleniyakh-o-smi> (дата обращения: 11.11.2016)

Костюк М.Е. (2009). Языковые войны. Западные политические технологии. *Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки*. № 4. С. 93-100.

Лобанова Т.Н. (2014). *Политический медиадискурс КНР: теория и методология анализа: монография*. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та.

Лукин А. (2016). Постбиполярный мир: мирное сосуществование или хаос? *Мировая экономика и международные отношения*. № 1, т. 60. С. 17-29.

Панцерев К.А. (2011). Современные модели информационного общества: типологическая характеристика. *Вестник Санкт-Петерб. ун-та.. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*. Вып. 1. С. 39-45.

Чернышова Т.В. (2013). Языковые механизмы дискредитации в медиатексте (по материалам лингвоэкспертной практики). *Развитие русскоязычного медиaprостранства: коммуникационные и этические проблемы. Материалы научно-практической конференции (26-27 апреля 2013 г.)*. М.: Издательство АПК и ППРО. С. 291-297.

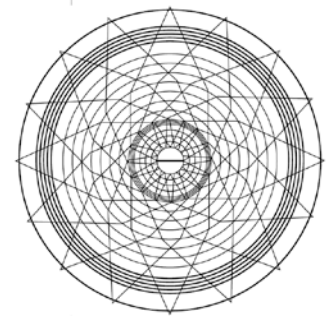
Fairclough N. (1989). *Language and Power*. London; N.Y.

Geographies of Communication: The Spatial Turn in Media Studies / edited by Jasper Falkheimer and Andre Jansson (2006). Göteborg: Nordicom.

[Научные статьи]

Лобанова Т. Н.

*Медиакратия vs демократия в КНР:
лингвомедийные технологии создания образов
и инструменты политического воздействия*

Jansson A. (2006). Textural Analysis. Materialising Media Space. *Geographies of Communication: The Spatial Turn in Media*. Göteborg: Nordicom. Pp. 87–106.

Mediaspace: Place, Scale and Culture in a Media Age / edited by Nick Couldry and Anna McCarthy (2004). New York: Routledge.

Meyer T. (2002). *Media Democracy: How the Media Colonize Politics*. Wiley.

Nye J.S., Jr. Think Again: Soft Power. *Foreign Policy* (February 23, 2006).

Nye J.S., Jr. *Why China Is Weak on Soft Power*
http://www.nytimes.com/2012/01/18/opinion/why-china-is-weak-on-soft-power.html?_r=0 (дата обращения: 11.11.2016)

Sartori G. (2005). *The Theory of Democracy Revisited*. Chatham House Publishers.

Soft Power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ: колл. монография. (2015). М.: Флинта : Наука,.

Soft Power: теория, ресурсы, дискурс /под ред. О.Ф. Русаковой (2015). Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи».

Wallis C. (2011). New Media Practices in China: Youth Patterns, Processes, and Politics. *International Journal of Communication*. 5. P. 406-436.

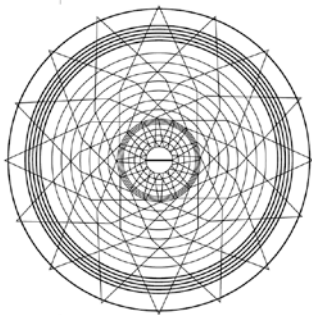
毕研韬, 王金玲煮. *战略传播纲要* [Программа стратегической коммуникации]. 北京 : 国家行政学院出版社, 2011.

现状与提升 : 解读中国软实力 [The Present and Future of China`s Soft Power] : 英文 / 赵磊著 ; 外交出版社英文编译部译. 北京 : 外交出版社, 2014

2030 中国 : 迈向共同富裕 [Китай 2030: на пути к всеобщему благополучию] / 胡鞍钢, 邬一龙, 魏星. 北京 : 中国人民大学出版社, 2011.9

网络传播概论 [Introduction to network communication] / 彭兰著. 第 3 版. 北京 : 中国人民大学出版社, 2012.8

国际关系退化机制与国际程序重构 / 谢剑南著. 北京 : 时事出版社, 2014.1.

[Научные статьи]

Лобанова Т. Н.

*Медиакратия vs демократия в КНР:
лингвомедийные технологии создания образов
и инструменты политического воздействия*

MEDIACRACY VS DEMOCRACY IN PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Lobanova T.

candidate of pedagogical studies, assistant professor of
the department of European and Oriental Languages,
Moscow Region State University
lobanovaty@mail.ru

Abstract:

Today's world is undergoing drastic changes. China and its information policy play an increasingly important role in its own society and contemporary international relations. Increasing soft power is the foundation for the realization of the Chinese Dream. A new strategy of building the Chinese "powerful cultural state" successfully combines internal and external, ideological long-term goals. The key objectives of the strategy are mobilization and consolidation of the Chinese nation on the basis of innovative cultural values, by means of cultural "soft power" that will improve social cohesion, social interaction in the outside world. Scientific novelty of the study is provided by the original mixed-methodology that allowed to trace the modernizing essence of China's social media and its practices and reveal innovative managerial specificity in implementing Chinese values in global media space. The originality of the research is ensured by the use of authentic sources in Chinese language and empirical knowledge of the researchers in the study of China's new media as instrument of foreign policy.

Do media really govern in China and outside China? Can media be considered as a political weapon? The author analyzes some aspects of China's geo-strategic communication in the transformation of the international system, as well as the prospects and challenges of increasing role and influence of China in the world and its possible consequences. The author examines and studies the roles media play at a time of crisis, as an information resource and unifying force. The author also tries to identify information and communication technologies' impact on the reader. The analytical part deals with Chinese political language and the possibilities of applying the author's mixed-methodology to the solution of some interdisciplinary research. Applying the methodology makes it possible to identify the trajectory of ideological variations and governance encoded in Chinese media texts.

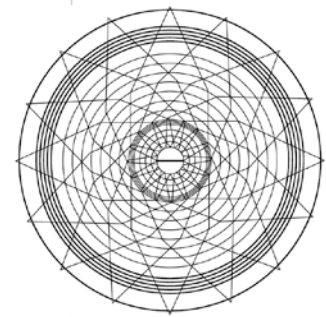
The aim of the article is the analysis of the discursive strategies and some characteristics of the media influence while shaping images in the spheres of China's internal and foreign policy. Critical discourse analysis is used as a main research method.

Keywords: mediocracy, democracy, soft power, China, media system

[Научные статьи]

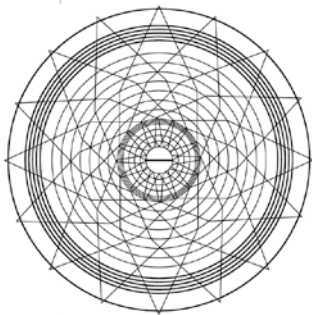
Лобанова Т. Н.

*Медиакратия vs демократия в КНР:
лингвомедийные технологии создания образов
и инструменты политического воздействия*

REFERENCES

- Abramov V.A., Abramova N.A. (2014). *Tsenostnyy potentsial kitayskogo «mogushchestvennogo kul'turnogo gosudarstva» v proektsiyakh global'nogo razvitiya: monografiya*. Moscow: Vostochnaya kniga.
- Bi Yantao, Wang Jinlin (2011). *The Program of Strategic Communication*. Beijing. (in Chin.)
- Bodrunova S.S. (2015). *Mediakratija: SMI i vlast' v sovremennyh demokraticeskikh obshhestvah*: Diss. ... dokt. polit. nauk, Saint-Petersburg. Tom 1.
- Chernyshova T.V. (2013). Yazykovye mekhanizmy diskreditatsii v mediatekste (po materialam lingvoekspertnoy praktiki). *Razvitie russkoyazychnogo mediaprostranstva: kommunikatsionnye i eticheskie problemy. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii (26-27 April, 2013)*. Moscow: Izdatel'stvo APK i PPRO. P. 291-297.
- Fairclough N. (1989). *Language and Power*. London; N.Y.
- Falkheimer J., Jansson A. (eds) (2006). *Geographies of Communication: The Spatial Turn in Media Studies*. Göteborg: Nordicom.
- Hu Angang, Yan Yilong, Wei Xing (2011). *China 2030*. Beijing: China's Renmin University Press. (in Chin.)
- Bolgov R.V., Pantserev K.A., Vasil'eva N. A., Vinogradova S.M. (eds) (2014). *Informatsionnoe obshchestvo i mezhdunarodnye otnosheniya*. S.-Peterb. gos. un-t. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGU.
- Jansson A. (2006). Textural Analysis. Materialising Media Space. *Geographies of Communication: The Spatial Turn in Media*. Göteborg: Nordicom. Pp. 87–106.
- Kara-Murza S. «Mediakratiya», «teledemokratiya» i pr.: tipichnye oshibki v predstavleniyakh o SMI. URL: <http://centero.ru/digest/mediakratiya-teledemokratiya-i-pr-tipichnye-oshibki-v-predstavleniyakh-o-smi> (accessed on 11/11/2016)
- Kostjuk M.E. (2009). Jazykovye vojny. Zapadnye politicheskie tehnologii. *Vestnik Mosk. un-ta*. Ser. 12. Politicheskie nauki. № 4. S. 93-100.
- Lobanova T.N. (2014). *Politicheskij mediadiskurs KNR: teoriya i metodologiya analiza: monografiya*. Khabarovsk : Izd-vo Tikhookean. gos. un-ta.
- Lukin A. (2016). Postbipolyarnyy mir: mirnoe sosushchestvovanie ili khaos? *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. № 1, Vol. 60. Pp. 17-29.
- Couldry N., McCarthy A. (eds) (2004). *Mediaspace: Place, Scale and Culture in a Media Age*. New York: Routledge.
- Meyer T. (2002). *Media Democracy: How the Media Colonize Politics*. Wiley.
- Nye J.S., Jr. Think Again: Soft Powe. *Foreign Policy* (February 23, 2006).

[Научные статьи]

Лобанова Т. Н.

*Медиакратия vs демократия в КНР:
лингвомедийные технологии создания образов
и инструменты политического воздействия*

Nye J.S., Jr. *Why China Is Weak on Soft Power*
http://www.nytimes.com/2012/01/18/opinion/why-china-is-weak-on-soft-power.html?_r=0 (accessed on 11/11/2016)

Pantserev K.A. (2011). *Sovremennye modeli informatsionnogo obshchestva: tipologicheskaya kharakteristika. Vestnik Sankt-Peterb. un-ta. Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya. Vyp. 1. P. 39-45.*

Peng Lan (2011). *Introduction to network communication*. The 3-d edition, Beijing: China's Renmin University Press. (in Chin.)

Sartori G. (2005). *The Theory of Democracy Revisited*. Chatham House Publishers.

Soft Power, myagkaya sila, myagkaya vlast'. Mezhdistsiplinarnyy analiz: koll. monografiya. Moscow: Flinta : Nauka, 2015.

Rusakova O.F. (eds) (2015). *Soft Power: teorija, resursy, diskurs.* Ekaterinburg: Izdatel'skij Dom «Diskurs-Pi».

Van Dijk T. (2013). *Diskurs i vlast'.* Moscow: URSS.

Viren G. (2013). *Sovremennye media: priemy informatsionnykh voyn.* M.: Aspekt Press.

Wallis C. (2011). *New Media Practices in China: Youth Patterns, Processes, and Politics*
International Journal of Communication. 5. P. 406-436.

Xie Jiannan (2014). *An Analysis of Regression of The International Relations and The Remaking of International Order.* Beijing: Current Affairs Press. (in Chin.)

Zhao Lei (2014). *The Present and Future of China's Soft Power.* Foreign Languages Press. (in Chin.)